

ББК 63.3(2Рос.Бур)634

A.S. Breslavskiy

Исторический контекст формирования постсоветского Улан-Удэ*

A.S. Breslavsky

The Historical Context of Formation of Post-Soviet Ulan-Ude

Исследуются историко-культурные предпосылки формирования символического пространства постсоветского Улан-Удэ. Исследование развивается вокруг двух его составляющих – «центра» и «окраин». Рассматривается, как возникали и смещались физические и символические границы центральной (исторической) части Улан-Удэ и его периферии, как в результате этих процессов видоизменялась идентичность всего города. Структура и специфика культурно-символического пространства современного Улан-Удэ во многом воспроизводит тенденции и смыслы, которые возникли еще в советский и досоветский этапы развития города.

Ключевые слова: город, центр, окраины, символическое пространство, идентичность, исторический контекст.

Сегодня в Улан-Удэ, как и во многих других региональных столицах России, происходит актуализация локальной истории, ее (ре)конструирование и расширенное воспроизводство. Причем интерес подчас привлекают даже не отдельные периоды городской истории, а вся она в совокупности. Общеакадемическое и общественное увлечение локальными идентичностями и культурными практиками, российской провинцией в целом, в последнее время привело к тому, что накопленный в предыдущие годы разного рода исторический нарратив о городе (Улан-Удэ) оказался высоко востребован. Реконструкция истории, предложенная интеллектуальной элитой республики, инспирировала городские проекты культурного возрождения, историко-архитектурной реконструкции, разного рода политические, социальные программы и т.д. В случае с современным Улан-Удэ можно говорить к тому же об относительно сложившейся многослойной семантике городского пространства – в нем достаточно органично переплелись дискурсивно организованные элементы дореволюционной, советской и постсоветской реальности. Более того, символическое пространство современного Улан-Удэ, как показывают исследования, во многом воспроизводит и развивает те социальные тенденции, смыслы и представления, ко-

The article focuses on the historical-and-cultural grounds of formation of symbolic space in the post-Soviet Ulan-Ude. The two primary components have been investigated in this research: «centre» and «outskirts». In particular, such matters are taken into consideration: how did physical and symbolic borders of the central (historical) part of the Ulan-Ude and its peripheries appeared and changed and also how did the identity of the whole city changed as the result of this process. The author's conclusion is that the structure and the specificity of the cultural and symbolic space of the present Ulan-Ude reproduce to a great extent the tendencies and ideas, which had been worked out in the soviet and pre-soviet periods of the city's development.

Key words: city, centre, suburbs, symbolic space, identity, historical context.

торые возникли еще в досоветский и советский этапы развития города [1, с. 291; 2, с. 74–88]. Это проявляется не только в стилизации современного Улан-Удэ «под дореволюционный город», «под советский город», «под национальную столицу», но и в «более реальных» эффектах той структурной инерции, которую переживает сегодня городское сообщество. Пожалуй, ее наиболее очевидным примером является постсоветская история территориально-символического осмысления центра и окраин Улан-Удэ. Для развития данного тезиса (в рамках статьи) мы постараемся произвести реконструкцию истории становления Улан-Удэ, точнее зафиксировать, как происходило образование и развитие центральной (исторической) части города и его окраин, как в ходе этих процессов перекодировалось функциональное значение всего города.

Предпосылки современной территориально-административной и социальной сегрегации города во многом сложились еще в довоенный (до 1941 г.) период, а в случае с «историческим центром» – еще до революции 1917 г. Именно к такому выводу можно прийти после знакомства с официальными историческими и краеведческими источниками, посвященными становлению и развитию города Улан-Удэ [3–7].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурное пространство города: границы внешние и внутренние (на примере Улан-Удэ)», проект №07-03-00578а.

Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ) был основан в 1666 г. на пересечении двух крупных рек – Уды и Селенги. Деревянная крепость на территории Удинского зимовья была сооружена в 1680-е гг. на возвышенности правого берега Уды – «Батарейной горе». Кроме названия, отражающего самое раннее функциональное значение этого места – военной крепости, до перестройки не существовало иных маркеров *изначального исторического центра*. Оно было символически отмечено лишь в 1991 г., когда на 325-летие города здесь были установлены два православных креста и каменная плита, посвященная казакам-основателям.

В XVIII в. острожные функции (в первую очередь защита, оборона) окончательно отошли на второй план, а казачье поселение (посад), возникшее в конце XVII в. вслед за строительством крепости на плоской прибрежной террасе, продолжало разрастаться. К 1810 г. Верхнеудинск состоял из 19 улиц и был разделен на Заудинское предместье (левый берег Уды), собственно *город* (посад – в излучине между Удой и Селенгой) и предместье за Селенгой – слобода Поселье [7, с. 80–81]. «Архитектурная композиция центра Верхнеудинска представляла типичный образец провинциального градостроительства первой половины XIX в.» [7, с. 83]. Верхнеудинск превращался в торгово-промышленный город, сохраняя за собой роль перевалочного и товарораспределительного пункта за Байкалом. Центр с Батарейной горы переместился на Гостинодворскую площадь. Его социальное пространство формировали новые *места* – Гостиный двор (ныне – Гостиные ряды) и несколько каменных купеческих домов, расположенных в непосредственной близости от площади.

Новый символический центр, таким образом, зафиксировал и новую идентичность всего города – торговую. Вместе с тем у той же Базарной (Гостинодворской) площади были выстроены и административные здания местной власти (Верхнеудинская городская управа, Верхнеудинское окружное управление, почта и пр.), образовательные и культурные учреждения. Можно говорить о том, что в реструктуризации социального пространства значительную роль сыграл административный аппарат: формирование центра происходило по «проекту» городской власти, хотя и было инициировано «снизу» (в первую очередь купцами, обладающими значительным экономическим капиталом). Представители административной и экономической элиты города свои личные дома также предпочитали строить в непосредственной близости к центру. В итоге – Гостинодворская площадь стала местом, где сконцентрировались позитивные полюса всех полей социального пространства Верхнеудинска (административного, экономического, культурного и пр.). И большинство из тех, кто занимал лидирующие позиции в этих полях, также стремились «закрепиться» именно в этой его части. «Понятие *центра* и

города отождествлялись, поскольку городская управа располагалась в городе; кроме того, остальная часть Верхнеудинска была по-прежнему деревянной, что придавало ей сельский облик» [8, с. 232–233].

Вплоть до начала XX в. границы Верхнеудинска практически не менялись. К концу XIX в. нижние приречные территории по обе стороны Уды были застроены, причем достаточно плотно. В меньшей степени осваивались территории на севере города, включая левый берег Селенги. Ситуация изменилась, когда началось строительство верхнеудинского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Произошедшие изменения дифференцировали и укрепили торгово-экономические функции Улан-Удэ, благодаря чему он продолжал расти. После того, как жители города встретили первый поезд (1899), а в 1900 г. было открыто паровозное депо, Верхнеудинск приобрел роль железнодорожного узла Западного Забайкалья. К «дороге» были направлены сотни рабочих и служащих из крупных городов европейской части России, начиналось освоение не только *нагорной части* города (ныне – территория вблизи пл. Советов – доминирующий центр Улан-Удэ), но и северной, прилегающей к Иркутскому тракту и Селенге. К 1917 г. в окрестностях Верхнеудинска начали работу несколько десятков небольших (в сравнении с теми, что возникли уже в советское время) заводов, тогда как значительные площади в центре и нагорной части занимали купеческие усадьбы [7, с. 87–89].

Знаковые преобразования в морфологии города произошли после установления в нем советской власти. 7 ноября 1926 г. в нагорной части был установлен памятник борцам за коммунизм. «Этим актом символического значения была сделана попытка перенесения Центра [...] из традиционной части города на возвышенность, расположенную *над* ней [...] Таким образом, центральная улица Ленина, соединяющая прежний [...] и вновь образованный центр, приобретает новый символический смысл [...] Хотя новый центр (площадь Советов. – *А.Б.*) уже формировался, еще некоторое время местом проведения центральных общественно значимых ритуалов (митинги, демонстрации, советские праздники) оставалась Гостинодворская площадь» [9, с. 75; 10, с. 109–124].

В первые годы советской власти население города значительно возросло. В 1923 г. Верхнеудинск стал столицей Бурят-Монгольской АССР, на его территории начали работу республиканские политические, административные, общественные и хозяйственные объединения. В результате в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «жилые» границы города все-таки расширились, в особенности на северо-востоке и в южной части, за Удой; производилась застройка по линии железной дороги; были заселены сохранившиеся пустыри на так называемой Батарейке. В 1930-е гг., в то время, когда Верхнеудинск был переименован

в Улан-Удэ, в городе развернулась крупная промышленная стройка. В 1934 г. начал свою работу паровозо-вагоноремонтный завод (ПВРЗ), вместо старого стекольного был построен механизированный стекольный завод. В 1937 г. были сданы в эксплуатацию основные производственные цеха мясоконсервного комбината, с 1938 г. началось сооружение авиационного завода. В город прибывало все больше новых жителей, уровень освоения пригородных территорий был крайне высок (в сравнении с тем, что было до индустриализации). Расширение окраинных территорий происходило, таким образом, преимущественно за счет промышленного строительства, в том числе создания жилых поселков – заводских спутников. Возникновение крупных внутригородских точек промышленного роста не привело при этом к смещению символического центра города на территории заводских окраин. Вероятно, это можно связать с тем, что Улан-Удэ не стал моноградом – на его территории начали работу сразу несколько производственных объединений. При этом с установлением советской власти, в частности с началом реализации политики пятилетних планов и планов перспективного городского развития, вновь кардинальным образом изменилась идентичность всего города – из «торгового» он был преобразован в «промышленный», «административно-ведомственный» [11, с. 5], в многофункциональную столицу национальной республики.

В 1938 г. произошло первое в истории Улан-Удэ административное разделение города. Постановлением Президиума ВЦИК образованы Городской, Железнодорожный и Пригородный районы. За счет разукрупнения Городского и Железнодорожного районов в 1945 г. был образован еще и Заводской район, который ликвидировали в 1948 г., включив его территорию в состав Железнодорожного района. В 1957 г. Городской район переименовали в Советский, а Пригородный – в Октябрьский. С этого времени наименования трех городских районов (Железнодорожный, Октябрьский, Советский) не изменялись.

К концу 1950-х гг. социальное пространство Улан-Удэ представляло собой совокупность рабочих поселков промышленных предприятий (стекольный завод, ПВРЗ, авиазавод и пр.) и «слободок» (Батарейка, Зауда, Шишковка, Аршан и пр.). Окончательно сформировался политико-административный центр города – площадь Советов (здесь были выстроены здания комитета КПСС, Совмина, горсовета, Дома политпросвещения, установлен памятник Ленину). «Наряду с этим создавался культурный центр вокруг театров, кинотеатров, домов культуры, располагавшихся в основном вдоль главной улицы города – улицы Ленина. До 70-х гг. у горожан (по-прежнему. – А.Б.) бытовало определение центра как “города”. Обычная фраза: “Пойдем, сходим в город” – означала выйти в центр» [12, с. 95].

В 1960–1980-е гг. сложившаяся в результате индустриализации и притока сельского населения социальная сегрегация пространства Улан-Удэ, в том числе его центра, подтверждалась и манифестировалась активно функционирующими в городе молодежными группировками *чав, чуваков, пацанов*, отличающихся друг от друга происхождением, статусом и культурными ценностями [13, с. 89–104]. Данные объединения организовывались по единому (территориальному) принципу, а их роль в конструировании внутригородских границ была столь значимой, что и сегодня многие из сформированных в то время территориальных идентичностей остаются, на наш взгляд, актуальными. Возвращаясь к пространственной сегрегации указанного периода, отметим, что город был поделен группировками на микрорайоны, а поддержание *искусственных* уличных границ осуществлялось зачастую за счет физических столкновений. Промышленные рабочие окраины были оккупированы чавами, центр города – чуваками («городскими» денди). Во второй половине 1980-х гг. группировки распространились во все районы города – Железнодорожный, Октябрьский, Советский. Таким образом, поселки на окраинах и непосредственно центр города оказывались замкнутыми и закрытыми друг для друга, функционировали обособленно. «Поездка в другой район города была сопряжена с опасностью» [12, с. 97]. Эти факты показывают, что говорить о целостности социокультурного пространства города того времени невозможно.

С началом перестройки стало ясно, что «поселковый», нацеленный на автономность, стиль застройки в 1990-е гг. оборачивается «бедой» для местных сообществ. Переход к рынку городские окраины переживали, как представляется, более болезненно, нежели центр. Кризис в сфере общественного потребления, деградация социальной, культурной и бытовой инфраструктуры при заводах в рабочих поселках – все это толкало местные сообщества к скорейшему поиску стратегий интеграции в Город (центр). Сегодня результаты этих устремлений, которые с разной степенью интенсивности инициировались со стороны как окраин, так и центра, можно зафиксировать в официальных текстах администрации города, нарративах местных СМИ.

Развитие города пошло по инерции – от прежнего центра к периферии. Очевидная причина этого – городские окраины в большей степени, нежели сложившийся в советские годы центр, утратили роль социального интегратора и попросту стали «дичать». В этих условиях концентрация капиталов в центре Советского района (центре Улан-Удэ) не могла не усилиться. Возник так называемый эффект «сжимания города» [14, с. 295–307]. Объекты городского центра, маркирующие идентичность, от площади Советов до Гостиного Двора, включая улицу Ленина, в 1990-е гг., практически не изменяясь, подверглись символиче-

ской перекодировке – в короткий период в некоторых зданиях ведомственных организаций стали открываться разного рода торговые точки, первые частные организации получили право переоборудовать часть зданий для коммерческих целей. «Государственные рестораны и студенческие столовые обеспечили место для ночных дискотек и баров [11, с. 94]. При этом *политически* маркированная в советское время площадь Советов не утратила свой «символический» профиль. Произошедшие в стране изменения – десоветизация, демократизация – «не коснулись» ни располагающихся здесь административных зданий, ни памятника Ленину (в здании Совмина, к примеру, расположился Народный хурал – высший орган представительной власти республики, в Доме политпросвещения – общественная приемная председателя «Единой России» В.В. Путина).

На фоне всеобщей социальной деградации символический капитал административного и исторического центра позволил Советскому району сохранить позицию лидера, что отразилось и на приоритетах развития внутригородских территорий – отодвинуло оставшиеся два административных района города на вторые позиции. Действительно, с символических позиций «центр – периферия» и Железнодорожный, и Октябрьский районы сегодня существенно проигрывают Советскому (что в общем-то было характерно и для доперестроечных лет). При этом в городском сообществе превалирует тенденция воспринимать данный факт как должный. В настоящее время обозначенные тенденции незначительно видоизменяются в соответствии с актуальными проектами российского, республиканского, городского масштабов (включение в процессы глобализации, развитие туристско-рекреационной зоны, активное формирование благоприятной среды проживания и пр.). При этом можно сказать, что в реформировании социального пространства города в 1990–2000-е гг. не произошло «революции»: рыночная идеология лишь укрепила тенденции и символы пространственной сегрегации, которые сформировались в советский период. В пространстве Улан-Удэ по-прежнему сохраняет свои доминирующие позиции рыночно привлекательный центр (и все понимают, о каком центре идет речь), а институционально стигматизированные «отдаленные» окраины пока еще значительно проигрывают

ему в борьбе за капитал «городского места» [2, с. 74–88].

За практически три с половиной столетия с момента своего основания Улан-Удэ не раз менял свое функциональное назначение. Специфика его современного символического пространства заключается в том, что именно в последние годы «пространственно-временной континуум, включивший все аспекты трехвековых идентификационных практик, актуализировался в полном объеме» [1, с. 291]. В Улан-Удэ «новой» стала тенденция артикулировать многие черты «старого». Примечательно также, что маркеры «острожного», «торгового», «ведомственного», «национального» города сосредоточиваются преимущественно в центральной – исторической части Улан-Удэ. Большинство из административных и общественных проектов исторического и социокультурного возрождения реализуются именно в центральной части города, что придает ей статус «визитной карточки» всего поселения и сообщества. При этом потребность города в привлекательном бренде, диктуемая «туристическим» вектором развития всей республики, оборачивается сегодня тем, что процессы историко-культурной реконструкции городской среды и ее «символического» обновления принимают характер туристической стилизации. За подобной стилизацией, однако, скрываются подчас крайне значимые сферы городского опыта, генезис которых относится к досоветскому и советскому периодам. Эта часть опыта еще не стала предметом аналитических исследований и более того – не сконструирована как предмет исследования. Перед региональными (и шире – отечественными) историками в этом смысле возникает множество важных и интересных задач. Одна из них, к примеру, – прояснить, как происходило формирование и развитие (того или иного) города в качестве продукта царской колонизации, эпохи империостроительства, советского социалистического проекта или современного российского федерализма. Привлекая к анализу те или иные локальные случаи, можно задуматься над тем, какие эффекты повлекли за собой эти исторически значимые для страны и ее городов политические проекты. Этим могут заняться историки, опираясь на дисциплинарные возможности самой истории, а также используя ресурсы междисциплинарного подхода.

Библиографический список

1. Амоглонова Д., Скрынникова Т. Текст и контекст Улан-Удэ: сложный образ городского пространства // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И.И. Митин. – М., 2009.
2. Бреславский А.С. Конструирование «городских окраин» в постсоветском Улан-Удэ // Палатычная сфера. – 2009. – №12.
3. Дондуков Ц.Ц. Улан-Удэ. Историко-краеведческий очерк. – Улан-Удэ, 1965.
4. Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. – Улан-Удэ, 1966.
5. Натаев П.Л. Улан-Удэ : краеведческий очерк. – Улан-Удэ, 1983.
6. Серебрякова Р.А. Улан-Удэ : путеводитель. – Улан-Удэ, 1977.

7. Улан-Удэ: история и современность / сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. – Улан-Удэ, 2001.
8. Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – Улан-Удэ, 2008.
9. Скрынникова Т.Д. Улан-Удэ – советская столица национальной республики // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии : материалы Международного семинара-совещания. – Улан-Удэ, 2006.
10. Скрынникова Т.Д. «Молодеет моя столица – процветает Улан-Удэ» // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) : кол. моногр. / сост. Т.Д. Скрынникова. – Улан-Удэ, 2004.
11. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – L., 2000.
12. Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии : материалы Международного семинара-совещания. – Улан-Удэ, 2006.
13. Бадмаев А. Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ // Вестник Евразии. – 2002. – №1.
14. Шманкевич Т. «Сжимающийся» город – новая се-грегация // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / редкол.: В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. – М., 2005.